

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание автора	8
Предисловие	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	22
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	44
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	67
Глава 8	74
Глава 9	81
Глава 10	93
Глава 11	105
Глава 12	116
Глава 13	122
Глава 14	128
Глава 15	139

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 16	146
Глава 17	159
Глава 18	175
Глава 19	181
Глава 20	192
Глава 21	200
Глава 22	208

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 23	216
Глава 24	233
Глава 25	241
Глава 26	250

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 27	256
Глава 28	269
Глава 29	277
Глава 30	282

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 31	296
Глава 32	308
Глава 33	312
Глава 34	326
Глава 35	332
Глава 36	341

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 37	360
Глава 38	370
Глава 39	380

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 40	386
Глава 41	409
Глава 42	418
Заключение	430
Благодарности	446

Посвящается Хезер

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Это реальная история с реальными людьми, однако с целью сохранения врачебной тайны и конфиденциальности пациентов и других людей данная книга была написана в полном соответствии с требованиями закона «О мобильности и подотчетности медицинского страхования»¹ — как следствие, имена, даты и личные данные на ее страницах были изменены. В одном случае использовался собирательный образ.

¹ Health Insurance Portability and Accountability Act принят в США в 1996 году для защиты личной информации, хранящейся в медицинских учреждениях, от краж и мошенничества. — *Прим. ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все началось с банановой кожуры.

После нескольких лет спокойного обучения в библиотеках, лабораториях и лекционных залах Гарвардской медицинской школы летом 2006 года в моей жизни наконец произошел тектонический сдвиг, и я приступил к работе в больнице. Третий курс медицинской школы знаменует собой пугающий выход из академического мира учебных групп и сданных или проваленных экзаменов, так что меня переполняло волнение. Я любил поспать. Я не был уверен, насколько хорошо буду переносить уничижительную критику, а еще у меня был синдром раздраженного кишечника.

Первая моя стажировка проходила в хирургии — три месяца изнуряющей работы по 120 часов в неделю в Массачусетской больнице общего профиля, призванные выявить горстку будущих хирургов среди потока, в котором было примерно 165 студентов. В первый день меня приставили к безжизненного вида ординатору пятого года по имени Аксель. У него были светло-голубые глаза с сиреневым оттенком, пронизывающий взгляд и невероятных размеров кадык — когда ординатор разговаривал, мои глаза невольно прыгали, следя за движениями этого хряща. Акселя можно было бы по праву называть представителем нежити: лучшие годы своей молодости он променял на стажировку в хирургическом отделении мирового класса и теперь не был уверен в том, насколько справедливой была такая сделка.

Вскоре после того как меня представили ему в столовой, Аксель взял в руки банановую кожуру, разорвал ее пополам и сказал:

— Ты не притронешься ни к одному из моих пациентов, пока не сошьешь все обратно.

Он залез в свой задний карман, протянул мне иглу с ниткой и прогнал с глаз долой.

— Иди разбирайся с этим куда хочешь, — отрезал он. — И будь добр, перестань скрипеть зубами.

Поначалу я не знал, что мне делать. Вряд ли кому-то еще из студентов дали подобное задание, и я недостаточно хорошо ориентировался в больнице, так что найти кого-то, кто согласился бы мне помочь, было проблемой. Бережно держа в руках кожуру, словно раненую птицу, я принялся бродить туда-сюда по длинным коридорам, заглядывая наобум в двери. В итоге вернулся к месту, где начался мой день, — в библиотеку хирургического отделения, — где помощник администратора выдал нам, дюжине стажеров, папку с перечнем того, что от нас потребуется. Про банановую кожуру там не было ни слова.

Я осмотрелся по сторонам. Стены библиотеки были увешаны портретами людей, которых я, по идее, должен был узнать, но не узнал, и мне на ум пришла фраза, не так давно сказанная одним раздосадованным профессором: «Когда у пациента случается сердечный приступ, студент Гарварда инстинктивно бежит не к его кровати, а в библиотеку, чтобы почитать про боль в груди. Никогда так не делайте». И все же я был здесь, окруженный книгами, а не пациентами.

Я взял с полки первый попавшийся том и пролистал. Чем в тот момент занимались мои сокурсники? Учились правильно мыть руки перед операцией? Помогали вырезать аппендикс? Удалять желчный пузырь? Именно так я и представлял себе стажировку: настоящая хирургия, а не возня с фруктами. Неужели мне было всего этого не видеть, пока я не разберусь

с первым заданием? Я посмотрел на банановую кожуру и вздохнул.

Наверное, я смог бы сшить кожуру какими-нибудь простыми стежками, но от меня требовалось не это. Швы делаются по определенной методике, чтобы от них оставалось как можно меньше следов на теле пациента, однако от найденных мною в книге материалов толку было мало. Страницы были заполнены подробными описаниями загадочных анатомических структур и иллюстрациями сложных операций на внутренних органах — от всего этого я был слишком далек.

После моих первых неумелых попыток у банановой кожуры были все основания подать на меня в суд. Одно за другим в голову приходили различные решения. Заплатить измотанному интерну хирургии, чтобы тот показал мне, как правильно накладывать швы? Воспользоваться суперклеем? Заявить, будто я использовал рассасывающиеся нити?

**Существует огромное количество способов
зашить рану — на любой отдельный случай.
И каждый способ следует специальной методике.**

В дверь постучали, и я закрыл книгу. Снаружи послышался голос:

— Поможет кто-нибудь?

Я открыл дверь и увидел перед собой мужчину с залысиной и в очках с проволочной оправой. Он был в инвалидном кресле.

— Здравствуйте, — сказал я. Я было решил, что это заблудившийся пациент, но мужчина проехал на своем кресле мимо меня в комнату и включил дополнительное освещение.

— Я Чарли, — сказал он. — А ты, должно быть...

— Мэтт. Я из новых студентов.

Его лицо просветлело, и он снял очки.

— Чарли Маккейб, — представился он. — Приятно познакомиться.

Услышав, как его зовут, я вздрогнул. Маккейб был одним из самых многообещающих хирургов своего поколения, когда начинал ординатуру в Массачусетской больнице в 1970-х. По ее завершении он был принят на специализированную стажировку в кардиоторакальной хирургии при больнице, но незадолго до ее окончания у него появилось покалывание в руках. Вскоре ему диагностировали рассеянный склероз, и Маккейб оказался не в состоянии оперировать. После постановки диагноза он начал обучать хирургии студентов-медиков и теперь заведовал стажировками в хирургическом отделении больницы. В Гарвардской медицинской школе его неоднократно признавали учителем года, и мы все были знакомы с душераздирающей биографией преподавателя.

— Ты на несколько минут раньше назначенного времени, — заметил он. — Я собирался написать вам, ребята, на пейджеры. Нужно обсудить основные принципы стажировки.

Усевшись, я стал искать, куда положить кожуру.

— Ищешь мусорное ведро? — спросил Маккейб, кивнув в сторону большого бака в углу.

— Мой ординатор дал мне ее сегодня, чтобы....

— Аксель со своей банановой кожурой, — Маккейб покачал головой.

— Да.

— Попробуй, и, если не выйдет, я тебе все покажу.

— Правда?

— Попробуй.

ПРЕДИСЛОВИЕ

* * *

Следующие несколько дней я приходил в библиотеку хирургического отделения в шесть утра и в течение часа безуспешно возился, уродуя банановую кожуру, которая становилась все более темной и мягкой. На третий день вечером у входа в больницу я столкнулся с Маккейбом.

— Получилось? — поинтересовался он.

Я протянул ему изувеченную кожуру, преподаватель поморщился и сказал:

— В мой кабинет.

Когда мы зашли к нему, я сел, и Маккейб протянул мне шовный набор, который лежал у него на столе.

— Самое главное — это техника, — сказал он. — Ты правша или левша?

— Левша.

— Значит, одной левой! — воскликнул Маккейб. — Отлично.

Последний раз мне это говорили на бейсбольной площадке, когда моя жизнь, казалось, двигалась совсем в ином направлении. До встречи с Маккейбом я четыре года играл за бейсбольную команду Йельского университета, мечтая стать профессиональным спортсменом. Через неделю после окончания университета меня выбрала на двадцать первом раунде драфта¹ Высшей бейсбольной лиги команда «Анахайм Энджелс»², и я начал играть в младшей лиге за команду из Прово, штат Юта³.

¹ Процедура выбора профессиональными командами игроков, не имеющих действующего контракта ни с одной из команд. — *Прим. ред.*

² Ныне «Лос-Анджелес Энджелс» (Los Angeles Angels). — *Прим. пер.*

³ Видимо, имеется в виду команда Orem Owlz, ранее Provo Angels, которая является дочерней командой Los Angeles Angels в младшей лиге. — *Прим. пер.*

Вскоре, однако, стало ясно, что мне не светит карьера в профессиональном бейсболе. Тем летом я много копался в себе и в итоге был вынужден признать правоту сестры, как-то заявившей в детстве, когда мы жили во Флориде, что я один из немногих спортсменов, которому не идет бейсболка. Когда моя непродолжительная, но запоминающаяся карьера бейсболиста подошла к концу, я подал документы в медицинскую школу. Я покинул команду, и в том же месяце меня приняли в Гарвард.

Трясущиеся руки, конечно, серьезная помеха для хирурга. Но четкие, решительные движения могут компенсировать тремор — в этом и заключается мастерство.

Своими трясущимися руками Маккейб разместил мои над банановой кожурой и совместил ее края. От его прикосновения мне стало не по себе, но я старался этого не показывать: на вид он казался не намного прочнее этой самой кожуры. Тем не менее, несмотря на тремор, двигался Маккейб на удивление решительно. Его уверенность и мастерство остались прежними, и в тот момент мне не составило труда представить, насколько хорош он, наверное, был раньше.

— Не закусывай слишком глубоко, — сказал Маккейб, имея в виду глубину погружения иглы. — Движения должны быть уверенными, решительными.

Я сделал стежок — он покачал головой:

— Ни хорошо, ни плохо. Еще раз.

Я вытащил иглу, обдумывая, как ее вести.

— Ты думаешь, — сказал он. — не думай. Просто делай.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я сделал еще один стежок, и половинки кожуры стянулись вместе.

— Идеально.

Мне в голову пришла сцена с гончарным кругом из «Привидения»¹. То, что совершенно не складывалось поначалу, теперь давалось без особого труда. За считанные минуты я зашил кожуру.

— Да у тебя талант! — воскликнул Маккейб. — Думаю, из тебя может выйти неплохой хирург.

Его комплимент успокоил мой бурлящий желудок. Научившись чему-то новому столь быстро, я почувствовал отголосок той уверенности, что была у меня, когда я играл в бейсбол, прежде чем мне не удалось пробиться в Высшую лигу и тренеры начали поговаривать, что у меня не хватает способностей. Разумеется, мне предстояло проделать еще большой путь, однако подобная похвала от человека вроде Маккейба открывала надежду на будущее в медицине. Я не мог наглядеться на влажную потрепанную банановую кожуру, которую продемонстрировал на следующее утро Аксель за предрассветным завтраком.

— Очень хорошо, — сказал он, изящно удерживая кожуру над своей тарелкой с оладьями. — Ты почти готов к представлению.

Приняв его похвалу, я задумался об операционной и о «представлении». Вообразил, как извлекаю пулю из жертвы бессмысленного насилия и безмятежно зашиваю рану.

— Давай сразу обговорим основные правила, — пробубнил Аксель, уплетая свой завтрак. — Во-первых, ты всегда должен первым переодеваться и мыть руки

¹ Речь идет о фильме Джерри Цукера «Привидение» (Ghost), вышедшем в прокат в 1990 году. — *Прим. ред.*